

СЕРГЕЙ НАЗАРИЯ

«...Сможем быстро захватить Бессарабию»

Начало румынской антисоветской интервенции
в оценках современников и историков

Победа Октябрьской революции в России вызвала страх и ненависть капиталистических элит всего мира. «Как и руководители других буржуазных стран, — отмечает молдавский историк И. Левит, — правители королевской Румынии были потрясены известиями о... приходе к власти в России большевиков. Они не без основания опасались, что декреты II Всероссийского съезда Советов... вызовут новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние и на румынских рабочих и крестьян»¹.

Идентичны и выводы американца К. Хиткинса: «Возможные последствия (мартовской. — С. Н.) революции для румынских солдат и крестьян вызвали реальное беспокойство в правительственных кругах. Многие политики боялись быстрого распространения эпидемии из России за Прут... Но появилась новая опасность. В конце лета 1917 года российские революционные события грозили дезорганизацией фронта и подрывом социальной и политической стабильности в (Запрутской. — С. Н.) Молдове. В то

время как уставшие от войны русские солдаты все более радикализировались, поддаваясь обещаниям социально-экономической справедливости, король и Брэтиану боялись, что подобные идеи подорвут решимость румынских солдат-крестьян воевать. Ноябрьская большевистская революция лишь углубила кризис (имеются в виду король Румынии Фердинанд I Гогенцоллерн-Зигмаринген (1914—1927) и его премьер-министр Ионел Брэтиану. — С. Н.)»².

Однако в российских революционных событиях румынская олигархия усмотрела и возможность реализации «проекта Великой Румынии»: «Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот — радует, — писал в своих послевоенных мемуарах тогдашний румынский министр И. Г. Дука. — Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а так как, с Россией или без нее, в конечном итоге победу одержат союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то, что мы опасались видеть даже в самых

¹ И. Э. Левит. Молдавская республика (ноябрь 1917 — ноябрь 1918). Кишинев, 2000. С. 77—78.

² M. Bărbulescu, D. Deletant, K. Hitchins, Ș. Papacostea, P. Todor. Istoria României. București, 1998. P. 418.

НАЗАРИЯ Сергей Михайлович — доцент Государственного института международных отношений Молдовы, кандидат исторических наук, доктор политических наук.

Ключевые слова: Молдова, Бессарабия, бессарабский вопрос, Первая мировая война, Румыния, большевики, Антанга, Германия.

смелых снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы»³.

Интервенты нашли союзника в лице российской контрреволюции и правящих элит соседних стран, включая Румынию. 23 декабря 1917 года была заключена тайная англо-французская конвенция «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России»⁴. Это был раздел России на зоны влияния. В английскую зону входили Кавказ и казачьи области рек Кубань и Дон, во французскую — Украина, Бессарабия, Крым. Однако еще 8 ноября английский кабинет на своем экстренном заседании обсуждал вопрос о возможности выступления румынской армии против большевиков в контакте с восставшим казачьим атаманом А. М. Калединым⁵.

На том заседании румынский посол подтвердил готовность своего правительства выступить совместно с этим белогвардейским генералом против Советской власти. В тот же день советник президента США В. Вильсона по международным вопросам полковник Хауз на совещании с английским премьер-министром Д. Ллойд-Джорджем и министром иностранных дел Его Величества А. Бальфуrom рекомендовал «посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися [антисоветскими] силами, территориально наиболее близкими к России»⁶.

³ I. G. Duca. Memorii. Vol. III: Războiul (1916—1917). Part 1. București, 1994. P. 273.

⁴ См.: Б. Е. Штейн. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.) М., 1949. С. 28—29; «История международных отношений и внешней политики СССР». Т. I. М., 1967. С. 60; «История внешней политики СССР». Т. I. М., 1976. С. 72; О. Соловьев. Ноябрь 1917 г. Как Англия и Франция делили Россию. — «Международная жизнь». 1997. № 10.

⁵ См. «Архив полковника Хауза». Т. III. М., 1939. С. 169.

⁶ Ibid.

10 ноября 1917 года президент Вильсон лично поощрил антисоветскую борьбу Румынии, пообещав взамен поддержку ее притязаний на Бессарабию на предстоящей мирной конференции⁷. Правда, сделал он это в слишком общей форме, что разочаровало румынского премьера И. Брэтиану, жаждавшего территориального приращения Румынии за счет Бессарабии. Так, «в ноте, отправленной 28 ноября в Яссы, [Вильсон] пообещал, что приложит все свое влияние во имя единой Румынии в качестве свободной и независимой нации»⁸. Идею совместной с генералом А. М. Калединым борьбы королевской Румынии против большевиков поддержало и французское правительство Ж. Клемансо⁹. Оно официально одобрило предложение румынского посла в Париже использовать находившихся на территории России трансильванских военнопленных для борьбы с Советской властью. Естественно, что без согласия западных союзников правящая Румынией клика никогда бы не решилась на оккупацию Бессарабии.

Однако не следует забывать, что положение правительства И. Брэтиану было довольно сложным в связи с фактическим выходом России из войны, в то время как Румыния по договору 1916 года с Антантой обязана была сражаться против германского блока «до конца». «Но страх полного поражения и оккупации противником всей территории страны в случае дальнейшего разложения русской армии и ухода ее с занимаемых пози-

⁷ См. А. Гиршфельд. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. — «Вопросы истории». 1948. № 8. С. 11.

⁸ Sh. D. Spector. România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu. Iași, 1995. P. 40.

⁹ См. «1918 la Români. Documente externe». Vol. II. București, 1983. P. 103.

ций на фронте вызвал у румынских правящих кругов очередной прилив желания заключить сепаратный мир с немцами и их союзниками»¹⁰.

А тем временем под влиянием Декрета о мире русские солдаты, не дожидаясь окончания войны, на своих участках вели переговоры с противником о перемирии. 17(30) ноября генерал А. Авереску записал в дневнике: «Русские уже начали на многих участках фронта переговоры о перемирии, кое-где оно даже было заключено»¹¹. И. Дука отмечал, что «генерал Щербачев сообщил Брэтиану, что более не владеет ситуацией и поставлен перед дилеммой или оставить командование, или самому предложить перемирие... В этих условиях продолжать отказываться от подписания перемирия означало бы иметь через несколько дней на территории нашей страны русскую анархию и наступление немцев, т. е. полный и окончательный разгром. Наоборот, подписание перемирия означало выиграть время, дать возможность Щербачеву сохранить командование... и рассчитывать со временем или на создание единого фронта с украинцами и А. М. Калединым, или на политические изменения внутри России»¹².

При этом румынские правители ни на секунду не сомневались, что они «до конца» выполнили свой долг перед Антантой и даже «спасли» ее от разгрома, поэтому после поражения Германии союзники просто «обяза-

ны» выполнить все данные ими Румынии обещания. Подобный тезис совершенно откровенно озвучивался яским правительством и в те дни, и впоследствии — в мемуарах румынских деятелей¹³. «Поспешность, с которой румынское правительство добивалось перемирия с австро-германским блоком, объяснялась и расчетом на то, что в создавшейся ситуации удастся присоединить Бессарабию к Румынии»¹⁴. Этот вывод подтверждает и Дука: «Во время Бухарестских мирных переговоров было завершено и объединение Бессарабии. Говорю, завершилось, так как, когда разваливалась Россия, объединение стало виртуально достижимым». Бессарабия была тем «минимумом», на который рассчитывали в тот момент румынские правящие круги¹⁵.

На заседании правительства И. Брэтиану доложил присутствующим «о требовании Щербачева и союзников вступить в борьбу с большевиками и добавил: союзные послы заявили, что это будет самой большой услугой, которую мы сможем в данный момент оказать делу союзников, стремящихся воссоздать румыно-украинский фронт. Брэтиану добавил затем, что готов принять это предложение, но с четким условием, что оно станет последней услугой, которую Румыния в состоянии оказать союзникам. После этого он, Брэтиану, освободится от всяких обязательств перед союзниками, которые не должны отказать ему в праве подписать сепаратный мир»¹⁶ — сообщал И. Г. Дука.

¹⁰ И. Э. Левит. Молдавская республика. С. 79–80; см. также: N. Iorga. Istoria românilor. Vol. X. București, 1939. P. 377; Idem. Memorii. Vol. I. București, 1939. P. 174; I. G. Duca. Amintiri politice. Bd. III. München, 1982. P. 8; Idem. Memorii. Vol. IV: Războiul (1917–1919). București, 1994. P. 13.

¹¹ A. Averescu. Notițe zilnice din război. Vol. II: 1916–1918 (Războiul nostru). București, 1992. P. 245.

¹² I. G. Duca. Amintiri politice. Vol. III. P. 13; Idem. Memorii. Vol. IV. P. 18.

¹³ См.: I. G. Duca. Amintiri politice. Vol. III. P. 13–14; C. I. Kirilescu. Istoria războiului pentru întregirea României. 1916–1919. Vol. II. București, 1989. P. 311–323.

¹⁴ И. Э. Левит. Молдавская республика. С. 91.

¹⁵ См.: I. G. Duca. Memorii. Vol. IV. P. 34, 104; Idem. Amintiri politice. Vol. III. P. 26.

¹⁶ См. I. G. Duca. Memorii. Vol. IV. P. 42.

При сложившихся обстоятельствах в проведении военной операции по захвату Восточной Молдовы реальную помощь Румынии оказали и Центральные державы. Прекратив боевые действия на Румынском фронте, немцы и австрийцы позволили румынам снять часть войск с передовой и направить их в Бессарабию. По «горячим следам» об этом писал еще французский журналист Клод Ане: «Румыния договорилась с Центральными державами и получила их молчаливое согласие на захват Бессарабии»¹⁷.

26 ноября (9 декабря) 1917 года командующий русским Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачев и румынский генерал А. Лупеску подписали в г. Фокшаны от имени Румынии перемирие с командованием австро-германских войск. Это высвободило румынские войска и позволило 4—9 (17—22) декабря обезоружить часть российских большевизированных частей¹⁸, зверски убив при этом советского комиссара С. Г. Рошаля.

7(20) декабря по итогам совещания со своими министрами и военными, а также с французским, английским, американским и итальянским посланниками И. Брэтиану сообщил, что союзники требуют от румынской армии активного включения в борьбу с большевиками. В свою очередь, премьер добивался, чтобы союзные державы санкционировали заключение Румынией сепаратного мира с Германией и ее союзниками при сохранении в силе основных статей ее договора 1916 года с Антантой¹⁹.

Решение о начале военных действий против советских войск было

принято 9 декабря. В 6 часов утра румынские войска, при поддержке казаков и гайдамаков, нанесли удар по небольшому большевистскому гарнизону в Соколе в близи Ясс и ликвидировали его²⁰. М. Джувара, впоследствии ставший видным румынским дипломатом, писал об этих событиях: «В ответ на просьбу представителей Антанты, которые письменно заявили, что эта операция явится последним военным вкладом, который они вправе ждать от Румынии, румынская армия открыто включилась в военные действия против большевистских войск, занимавших тогда всю территорию Молдовы и Бессарабии»²¹.

Получив известия об аресте Военно-революционного комитета Румынского фронта, убийстве С. Рошаля, захвате румынами Леова и ряда бессарабских сел на левобережье Прута, расстреле членов Леовского ревкома, НКВД РСФСР 16(29) декабря 1917 года обратился к румынскому правительству через его посла в Петрограде К. Диаманди с нотой протеста. Однако удовлетворительного ответа не последовало, и тогда советское правительство 31 декабря предъявило по радио ультиматум румынскому правительству прекратить подобные действия, наказать виновных и предупредило, что «неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных»²².

²⁰ См. **I. G. Duca**. *Memorii*. Vol. IV. P. 46—52.

²¹ *Цит. по: И. Э. Левит*. Молдавская республика. С. 132.

²² См.: «Документы внешней политики СССР» (далее — ДВП СССР). Т. I. М., 1957. С. 66—67, 79; «Relațiile româno-sovietice. Documente». Vol. I. București, 1999. P. 9—10; «Советско-румынские отношения, 1917—1941. Документы и материалы». В 2 т. Т. 1: 1917—1934. М., 2000. С. 12—13.

¹⁷ **C. Anet**. *La revolution russe. L'Ukraine traitée separement*. Paris, 1919. P. 42.

¹⁸ См. «1918 la Români. Documente externe». Vol. II. P. 1024.

¹⁹ См. **I. G. Duca** *Amintiri politice*. Vol. III. P. 33, 34; **Idem**. *Memorii*. Vol. IV. P. 43.

Поскольку и после этого ничего не изменилось, 31 декабря 1917-го (13 января 1918 года) весь состав дипломатической и военной миссии Румынии во главе с К. Диаманди был взят под стражу и заключен в Петропавловскую крепость. В Одессе были взяты под стражу румынский консул и персонал консульства. 1(14) января 1918 года дуайен дипломатического корпуса в Петрограде посол США Фрэнсис в сопровождении группы дипломатов посетил Председателя Совнаркома В. И. Ленина, сделал ему заявление по поводу ареста румынского посланника и вручил меморандум за подписью дипломатов 20 стран²³.

Правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав, 4(17) января приняло решение начать необъявленную войну с Россией, и уже через три дня его войска перешли реку Прут. Правда, сами союзники пытались скрыть истинные цели этой акции. Так, французский посланник в Яссах Сент-Олер 5(18) января телеграфировал консулу в Кишиневе Сарре: «Вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой... [и] не может оказать влияния... на будущую судьбу этой страны»²⁴. Понятно, что эти слова должны были ввести в заблуждение население края, выступавшее тогда почти единогласно против вторжения на территорию Бессарабии румынских войск и за сохранение Молдовы

в составе России. На деле это служило словесным прикрытием румынской интервенции против Советской России, а Бессарабию Антанта рассматривала в качестве «платы» румынской олигархии за борьбу с большевизмом.

10(23) января ЦИК Румчерода сделал официальное заявление французскому, английскому и румынскому консульствам в Одессе, в котором квалифицировал действия королевского правительства как «вероломное нарушение международного права» и просил дипломатов «предпринять шаги к тому, чтобы румынское правительство вывело немедленно свои войска из пределов Российской федеративной республики». На следующий день была обнародована нота протеста ЦИК Румчерода правительству Румынии. Ответ консулов сводился к утверждению, что «ничего серьезного не произошло»²⁵.

Идя на антисоветскую интервенцию, румыны оголяли фронт против австро-германских войск, однако командование последних во главе с фельдмаршалом А. Макензеном заверило их, что вверенные ему армии не предпримут наступления на фронте. При этом немцы, для скорейшего достижения своих целей, использовали политику «кнута и пряника»: с одной стороны, предлагали румынам Бессарабию в обмен на скорейшее подписание выгодного им сепаратного мира, включая уступку Добруджи, с другой — шантажировали их снятием дивизий с фронта и направлением их в Бессарабию в нарушение условий Фокшанского перемирия²⁶.

²³ См.: **В. И. Ленин**. В Народный комиссариат по военным делам. 31 декабря (13 января) 1918 г. — **Он же**. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 23; «*Relațiile româno-sovietice. Documente*». Vol. I. P. 10—11; «За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917—1920). Сборник документов и материалов». Кишинев, 1970. С. 19; **А. М. Лазарев**. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974. С. 87.

²⁴ *Цит. по:* «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы». М., 1996. С. 207.

²⁵ «За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции». С. 59—62.

²⁶ См.: **A. Marghiloman**. Note politice. Vol. II. București, 1994. P. 204, 210, 219, 273, 283, 295; **V. Li-veanu**. Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftea. — «*Studii și materiale de istorie contemporană*». Vol. I. București, 1956. P. 7—8.

14(27) февраля 1918 года в ходе переговоров Румынии с австро-германским блоком немцы «неофициально заверили» румын в тождестве их позиций в отношении Советской власти: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью»²⁷. Во время тех же переговоров с немцами, пытаясь добиться более выгодных условий мира, новый румынский премьер А. Авереску заявил германскому министру иностранных дел Кюльману, что «вообще Бессарабия заражена большевизмом, и присоединять ее к королевству опасно». На это Кюльман цинично ответил: «Вам достаточно расстрелять каждого десятого и восстановить порядок»²⁸. Однако правящая клика Румынии, «умиротворяя» Бессарабию, и без немецких советов следовала этому «сценарию».

Согласно подписанному 5(18) марта 1918 года Румынией с Центральными державами прелиминарному мирному договору численность румынской армии серьезно ограничивалась, в то время как в Бессарабии румынскому правительству была предоставлена полная свобода действий и численность его войск и вооружения здесь не лимитировались²⁹.

«Кроме отказа от Южной Добруджи и некоторых незначительных территорий на западной границе, — отмечает ван Мерс, — Румынии навязывалась демобилизация армии. Но все же мирный договор включал секретное соглашение об аннексии Бессарабии.

Немцы дали добро на аннексию Бессарабии в обмен на право переброски собственных войск через Бессарабию для оккупации Украины». Ниже автор отмечает, что «румынское владычество над Бессарабией было обеспечено... в первую очередь немецкой оккупацией Украины» и тем фактом, что «Красная Армия находилась на расстоянии в 1000 км от Кишинева, а новое румынское правительство получило одобрение Берлина на аннексию Бессарабии»³⁰.

Академик А. Лазарев считал, что, «заключив прелиминарный договор с Центральными державами, Румыния получила возможность не только нарушить советско-румынское соглашение от 5—9 марта 1918 года об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев, но и закрепиться в оккупированном крае, а также участвовать вместе с австро-германскими, а затем с французскими войсками в военных действиях против Советской власти на территории левобережной Молдавии и юга Украины»³¹. Американский историк Ш. Дэвид Спектор приходит к идентичному выводу, отмечая, что по Бухарестскому миру «судьба Бессарабии не упоминалась, однако было получено добро на захват провинции»³².

Западные страны стремились представить румынское вторжение как «вынужденное» и «гарантировали» его временный характер. Так, 21 февраля 1918 года, от имени дипломатических представителей держав Согласия, дуайен дипломатического корпуса при

²⁷ A. Marghiloman. Note politice. Vol. III. P. 356—357.

²⁸ Цит. по: В. Н. Виноградов. Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917 — ноябрь 1918). — «Вопросы истории». 1968. № 10. С. 14.

²⁹ См.: Sh. D. Spector. România la Conferința de pace de la Paris. P. 48; Ф. И. Нотович. Бухарестский мир, 1918. М., 1959.

³⁰ W. P. van Meurs. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, 1996. P. 87, 89.

³¹ А. М. Лазарев. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 175, 177—178.

³² Sh. D. Spector. România la Conferința de pace de la Paris. P. 49.

румынском правительстве барон Фашиотти отправил официальную ноту всем союзным консулам и представителям в Одессе, оригинал которой был передан советским властям. В ней отмечалось: «Что касается Бессарабии, то вы помните, что вмешательство румынских войск является военной оккупацией безо всякого политического характера, предпринятой в полном согласии с союзниками и бессарабскими властями с очевидной гуманитарной целью обеспечить продовольствие русских и румынских войск, а также и гражданского населения»³³. То есть страны Антанты официально обещали эвакуировать румынские войска из Бессарабии, подразумевая ее российской территорией.

12(25) января 1918 года, за день до вступления румынской армии в Кишинев, ее командующий генерал Презан заявил в воззвании к населению Бессарабии, что румынские войска вступили в край в целях охраны оружейных и продовольственных складов и обеспечения заготовки и перевозки провианта для снабжения русских и румынских войск Румынского фронта³⁴. Он лицемерно опровергал слухи о том, будто Румыния хочет оккупировать Бессарабию.

Вслед за разрывом дипломатических отношений, в тот же день СНК РСФСР констатировал «состояние войны» между Румынией и Россией, подчеркнув, что «румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики»³⁵. В постановлении Румчерода от 23 января (5 февраля) 1918 года говорится: «Ввиду того, что румыны

обманным образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней села и города, ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода постановил считать себя на положении войны с Румынией»³⁶. 11(24) февраля Румчерод потребовал у румынской стороны немедленной эвакуации ее войск с территории между Прутом и Днестром, но получил отказ на это требование³⁷.

Правительство Ленина не признало румынскую оккупацию Бессарабии и вновь потребовало эвакуации румынских войск. Дело в том, что в январе—феврале 1918 года были разгромлены Центральная Рада и атаман А. М. Каледин. Это серьезно улучшило положение Республики Советов, войска которой вышли к Днестру. Не следует также забывать об усилившемся дипломатическом давлении немцев на правительство И. Брэтиану, при том что союзники, поддерживая антисоветские действия румынской олигархии, согласия на заключение сепаратного мира еще не давали. Более того, 20 января (2 февраля) 1918 года посланники стран Антанты вручили премьеру коллективное письмо, в котором отвергали идею сепаратного мира: «Наши правительства подтвердили... свою уверенность в том, что Румыния... будет продолжать борьбу с той же энергией, как и в прошлом, и не отделит своей судьбы от судьбы союзников»³⁸.

³³ См.: «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии». С. 239, 264; **Е. С. Нану**. *Politica externă a României, 1918—1933*. Iași, 1993. P. 109.

³⁴ См. **Șt. Ciobanu**. *Unirea Basarabiei. Studii și documente*. București, 1929. P. 194—195. Doc. CXLIII.

³⁵ См. «ДВП СССР». Т. I. С. 89—90.

³⁶ «За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов». С. 53.

³⁷ См.: «Politica externă a României. Dicționar cronologic». București, 1986. P. 164; **P. Cernovodeanu**. *Basarabia. Drama unui provincii istorice românești în context politic internațional (1806—1920)*. București, 1993. P. 153.

³⁸ **И. Э. Левит**. Молдавская республика. С. 303.

Понимая, что согласия своих союзников на сепаратный мир с австро-германским блоком им не получить, правительство решило уйти в отставку, передав бразды правления и «честь» подписания унизительного сепаратного мира германофилу А. Маргиломану. 23 января (5 февраля) новое правительство сформировал генерал А. Авереску. В его задачу входило затянуть переговоры с немцами и создать у Антанты впечатление «неизбежности» заключения Румынией сепаратного мира³⁹. Но и он этого не добился.

5(18) февраля состоялась встреча А. Авереску с А. Макензеном, в ходе которой немцы выдвинули румынам следующее «выгодное обеим сторонам» условие: «Вся румынская армия получает свободу рук для военных действий против большевиков, соответственно против петроградского правительства, до тех пор, пока последнее не подпишет мира с Центральными державами и Румынией»⁴⁰. Фельдмаршал заверил премьера, что Румыния сможет сохранить «армию в состоянии мобилизации и использовать ее в Бессарабии для борьбы с большевиками. Не исключено, — писал Авереску, — что нам будет оказана помощь путем взаимодействия в России»⁴¹.

В этот же день возобновилось немецкое наступление на Восточном фронте и, развиваясь все шире, поставило Российскую республику в тяжелейшее положение⁴². Восполь-

зовавшись этим, румыны форсировали Днестр в районе Рыбницы, развернули наступление в направлении Воронково, однако были наголову разгромлены. Выход войск революционной России к Днестру, продолжение сопротивления бесарабцев оккупации края, немецкое давление и отказ союзников разрешить заключение сепаратного мира — все эти факторы привели к тому, что первоначально игнорировавшее советские протесты румынское правительство обеспокоилось и повело себя в отношении РСФСР иначе.

По инициативе В. И. Ленина СНК образовал и направил в Одессу Высшую автономную коллегия по русско-румынским делам, которой было поручено ведение всех дел, касающихся взаимоотношений России и Румынии⁴³. В результате переговоров между представителем советского правительства Х. Раковским и главой румынского правительства А. Авереску при посредничестве представителей западных союзников — французского эмиссара Аркье и канадского полковника Д. Бойля — 5—9 марта 1918 года было подписано советско-румынское соглашение, в котором указывалось: «Румыния обязуется покинуть Бессарабию в течение 2 месяцев... В Бессарабии остается отряд в 10 000 человек для охраны румынских складов и железных дорог»⁴⁴.

23 февраля (8 марта) румынская сторона заявила, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным»⁴⁵. Даже крайний националист академик

³⁹ См.: **A. Averescu.** *Notițe zilnice din război.* Vol. II. P. 285—286; **I. G. Duca.** *Amintiri politice.* Vol. III. P. 57.

⁴⁰ **V. Liveanu.** *Caracterul antisovietic și antipopular al tratatului de la Buftea.* P. 37.

⁴¹ **A. Averescu.** *Notițe zilnice din război.* Vol. II. P. 291.

⁴² См. **В. И. Ленин.** Речь на объединенном заседании фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК 19 февраля 1918 г. Краткий газетный отчет. — **Он же.** Полн. собр. соч. Т. 35. С. 339.

⁴³ См. «ДВП СССР», Т. I. С. 111.

⁴⁴ «Советско-румынские отношения, 1917—1941», Т. I. С. 26—28.

⁴⁵ См.: «ДВП СССР», Т. I. С. 207; «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии». С. 215.

И. М. Опря (правда, противореча себе на той же странице⁴⁶) признает, что «в результате данного обмена нотами обе стороны посчитали конфликт исчерпанным». По мнению этого историка, в феврале 1918 года Авереску принял требования об очищении Бессарабии «за исключением условия, предусматривающего немедленное освобождение Бендер»⁴⁷. Здесь же автор отмечает, что соглашение предполагало необходимость освобождения всех арестованных в России румын и всех россиян, арестованных в Румынии.

Исчерпанным считали конфликт и советские представители. 26 февраля (11 марта) они телеграфировали об

этом в Совнарком⁴⁸. 21 марта генеральный консул Румынии в Москве Н. Г. Герен повторно информировал Наркоминдел РСФСР о ликвидации «возникшего между румынским правительством и советской властью конфликта». Все это свидетельствовало о признании и одобрении достигнутой договоренности, о том, что как у главы румынского правительства А. Авереску, так и у дипломатов Антанты его законность и необходимость его выполнения не вызывали никаких сомнений.

Из-за ухудшения военного положения Республики Советов, вызванного германским наступлением по всему фронту, румынские правящие круги проигнорировали выполнение взятых на себя обязательств. Однако, отмечает американец Ш. Д. Спектор, «Румыния и не собиралась выполнить свои обязательства (по “конвенции Раковский—Авереску”. — *С. Н.*), тем более что менее чем через месяц появилась возможность формального присоединения Бессарабии. Данная возможность была предоставлена оккупировавшими Украину немцами и отступлением большевиков»⁴⁹. Согласился с ним даже румынский академик И. М. Опря, признавший, что начатое немцами наступление на Украине стало основной причиной невыполнения румынской стороной взятых на себя обязательств⁵⁰.

Но с точки зрения международного права подписание этого документа означало официальное признание румынским правительством

⁴⁶ «Однако это соглашение не решило застарелую территориальную проблему в отношениях Румынии с Россией, ведь Бессарабия пока не находилась в составе Румынии» (**I. Oprea.** *România și Imperiul Rus. 1900—1924. Vol. 1.* București, 1998. P. 241); и далее: «Утверждение, будто бы Румыния отказалась от Бессарабии в силу соглашения между Авереску и Раковским, является не просто исторической неточностью, но и в первую очередь юридической и фактической неправдой» (*Ibid.* P. 243). Автор пытается доказать незаконность большевистского правительства, выводя из этого необязательность исполнения договоренностей с Советами. Но тогда остается неясным, почему румынское правительство подписывало соглашения с представителями этого правительства и брало на себя обязательства перед ним?! «Более того, — продолжает И. М. Опря, — до истечения предусмотренных ультиматумом Румчерода двух месяцев для отступления румынской армии, а именно — 27 марта 1918 года, Сфатул Цэрий принял решение об объединении Бессарабии с Румынией (незаконный акт, принятый незаконным органом. — *С. Н.*). Таким образом, даже если соглашение Авереску—Раковский и не было бы столь порочным по форме и существу, оно становилось беспредметным в момент возврата Бессарабии внутрь румынских границ» (*Ibid.* P. 244). Исходя из логики господ Опри & К^о, любой договор или соглашение, заключенные когда-либо румынским правительством с другой стороной, но вступившие в противоречие с румынистским постулатом об «этническом, национальном, государственном и территориальном единстве всех румын», являются изначально необязательными к исполнению.

⁴⁷ *Ibid.* P. 241, 240.

⁴⁸ См.: «ДВП СССР». Т. I. С. 207; «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии». С. 215; «За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции». С. 144—147.

⁴⁹ **Sh. D. Spector.** *România la Conferința de pace de la Paris.* P. 48.

⁵⁰ См. **I. Oprea.** *România și Imperiul Rus. Vol. 1.* P. 243.

незаконного характера оккупации Молдавской республики. Именно за признание этого, де-факто и де-юре, И. Дука подверг критике А. Авереску: «Можно себе представить, какой аргумент он дал большевикам против нас, ибо мы сами официально подтвердили в официальном акте, что оккупация Бессарабии явилась незаконной... Задаю себе вопрос и сегодня: как стало возможным, чтобы генерал Авереску подписал подобный документ?.. Истинно и то, что эта несчастная ошибка является единственным актом, который Россия может предъявить нам в бессарабском вопросе, и я опасаясь, что в один прекрасный день это создаст нам серьезные проблемы»⁵¹.

Летом 1918 года тогдашний румынский министр иностранных дел К. Арион с трибуны парламента резко критиковал А. Авереску за то, что тот «заключил мир с Раковским и с Россией на условии очищения Бессарабии». Пытаясь доказать необоснованность этого шага, он самоуверенно утверждал, что «Россия не возродится снова», а следовательно, подписывать с ней дипломатические документы не имело смысла. На это А. Авереску ответил: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед»⁵².

Тем не менее в наши дни в румынской историографии господствуют абсолютно другие интерпретации данного документа: будто бы в нем,

четко и без всяких оговорок, не предусмотрен отвод румынских войск и присутствуют какие-то тезисы с «двойным пониманием». Так, Фл. Константиу пишет об этом соглашении, что только «советская сторона интерпретировала его в качестве обязательства вывода румынских войск из Бессарабии». И. Опря утверждает, что договоренность от 5—9 марта «не обязывала румынского премьер-министра к эвакуации своих войск из Бессарабии». А молдавский историк Л. Пэдурак считает, что «указанное „соглашение“ не имело юридической силы». Почему «не имело», она не поясняет⁵³.

Правда, другой известный историк, Г. Брэтиану еще в 1943 году писал по этому поводу: «Было даже заключено соглашение, по которому румынским войскам следовало срочно покинуть Бессарабию (немедленное оставление Бендер—Тигины отвергалось), за исключением охраны железных дорог и румынских складов, и не допускалось никакое вмешательство во внутреннюю политику страны... Данное чисто техническое соглашение не имело никакого политического характера: Румыния не стремилась влиять на дела молдавской республики и ограничивалась защитой своих военных интересов»⁵⁴.

Таким образом, он признает, что суть договора между Авереску и Раковским состояла в обязанности Румынии очистить Бессарабию от своих войск, и то, что данное соглашение подтверждало тот факт, что Румыния

⁵¹ См.: **I. G. Duca**. Amintiri politice. Vol. III. P. 75; **Idem**. Memorii. Vol. IV. P. 92.

⁵² См.: **И. Э. Левит**. Молдавская республика. С. 335; **М. И. Мельтюхов**. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917—1940. М., 2010. С. 51; **В. Н. Виноградов**. Румыния в годы Первой мировой войны. М., 1969. С. 273.

⁵³ См.: **Fl. Constantiniu**. O istorie sinceră a poporului român. București, 1997. P. 289; **I. Oprea**. România și Imperiul Rus. Vol. 1. P. 187; **L. Pădureac**. Relațiile româno-sovietice (1917—1934). Chișinău, 2003. P. 27.

⁵⁴ **Gh. I. Brătianu**. Basarabia. Drepturi naționale și istorice. București, 1995. P. 57.

не обладала никакими правами на наш край и он никак не принадлежал ей. В этом смысле Брэтиану против своей воли признает именно политический характер «соглашения Авереску—Раковский». А тезис о румынских «исторических и этнических правах» на Бессарабию, о ее якобы «румынском характере» появился позже и имел целью «узаконить» аннексию Пруто-Днестровского междуречья бухарестской полуфеодальной олигархией.

Объективны оценки описываемых нами событий, принадлежащие ряду западных историков. Американец Л. Фишер писал, что, «захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный акт. Большевики отомстили, разорвав 13 января 1918 г. отношения с Румынией и арестовав румынского посланника Диаманди в Петрограде»⁵⁵. Тот же автор отмечает, что Россия «не признала румынского суверенитета в отношении Бессарабии, захваченной Румынией в январе 1918 г., когда большевистская Россия была слабой»⁵⁶.

Болгарский профессор Г. Генев отмечал в 1940 году, что Первая мировая война «завершилась неблагоприятно не только для побежденных, но и для России. Румыны воспользовались этим обстоятельством и захватили всю Бессарабию, хотя накануне вступления Румынии в войну два соседних государства взаимно гарантировали свою территориальную целостность»⁵⁷.

Француз Ф. Фейто в том же духе утверждал, что «румыны захватили Бессарабию и Буковину, являвшимися русскими землями». Его соотечественник М. Ваисс придерживается мнения, что в 1918 году Румыния оторвала Бессарабию от России. Позиция немца А. Зуги также не отличается от вышеприведенных: «Военные акции в Бессарабии со стороны Румынии можно... рассматривать как противоречащие международному праву, поскольку румынские войска вторглись на территорию другого государства без объявления войны... Разрыв дипломатических отношений с Румынией со стороны России правомерен с точки зрения международного права»⁵⁸.

В этом контексте следует заметить, что в румынской националистической историографии тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности присутствует лишь очень относительно, зато господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. «В контексте написания румынской истории “объективность” понимается как “соответствие румынским национальным интересам”, а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей»⁵⁹, — сетует голландец ван Мерс. Даже румынские дипломаты, историки и мемуаристы межвоенного времени писали намного объективнее и правдивее современных авторов.

⁵⁵ Цит. по: **А. М. Лазарев**. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. С. 93.

⁵⁶ **L. Fisher**. Russias Road from Peace to War. 1917—1941. N. Y., 1969. P. 163.

⁵⁷ Цит. по: **V. Fl. Dobrinescu, I. Constantin**. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939—1947). Iași, 1995. P. 24.

⁵⁸ См.: **F. Fejto**. Histoire des démocraties populaires. Vol. I. Paris, 1969. P. 23—24; **M. Vaïsse**. Dictionar de relații internaționale. Secolul XX. Iași, 2008. P. 340; **A. Suga**. Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwicklung des Landes. Bonn, 1958. S. 50.

⁵⁹ **W. P. van Meurs**. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 409.

В заключение можно отметить, что возникновение бессарабского вопроса в международных отношениях не было лишь результатом советско-румынского территориального спора из-за аннексии королевской Румынией Пруто-Днестровского междуречья. Он не являлся также лишь следствием стремления румынской элиты к созданию так называемой Великой Румынии. Без поддержки западных держав, прежде всего стремившихся после окончания Первой мировой войны подавить мировой коммунизм и его главный бастион — Советскую Россию, Румыния никогда бы не посмела даже думать перейти от мечты об «объединении всех румынских земель» к ее практической реализации. Именно стремление буржуазного мира подавить Советскую власть в России, а также заодно и намерение Запада ослабить Россию геополитически, сколотив против нее широкую коалицию с участием в ней всех так называемых лимитрофных стран, включая Румынию, и породили бессарабский вопрос. Румынии позволили овладеть Бессарабией в качестве платы за «борьбу с большевизмом».

По этому вопросу известный английский историк Г. У. Темперли писал, что Парижская мирная «конференция, со своей стороны, не могла не видеть и не знать того, что знала вся Юго-Восточная Европа, а именно: Румыния своими решительными действиями спасла всю эту часть мира от коммунизма и анархии»⁶⁰. Та же мысль четко выражена голландским

исследователем В. ван Мерсом: «Позиция этих держав не имела ничего общего с международными законами, а являлась следствием их надежд увидеть конец большевистского режима». Далее он отмечает, что «в этих условиях Румыния воспользовалась усилиями Франции по созданию *cordon sanitaire*. Quai d'Orsay не скрывала своей симпатии по отношению к политике создания «Великой Румынии»»⁶¹. Наконец, ту же идею высказывает и американец Ч. Кинг: «После 1917 года, в условиях, когда октябрьская революция явилась тяжелейшим уроком политическим руководителям Западной Европы, Франция и Великобритания были настроены поддерживать теснейшие связи с Румынией, на которую смотрели как на буферное государство против большевистской опасности с востока»⁶².

Таким образом, бессарабский вопрос отражал столкновение интересов различных международных акторов и отражал разные векторы развития международных отношений: борьбу с «мировой коммунистической революцией» и создание «санитарного кордона» против проникновения большевизма на Запад, геополитические устремления ведущих западных держав получить удобный плацдарм для оттеснения России на восток и контроля над устьем Дуная, планы Бухареста по образованию «Великой Румынии», а также неизбежное подчинение разросшегося румынского государства интересам держав-победительниц в Первой мировой войне. ◆

⁶⁰ Цит. по: И. М. Лемин. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно, 1919—1925. М., 1947. С. 153.

⁶¹ W. P. van Meurs. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 94, 102.

⁶² Ch. King. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. Chișinău, 2005. P. 36.